

А.Н. Иванова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ИЗМЕНЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ
В 1861–1914 ГГ. НА ПРИМЕРЕ
ЦЕНТРАЛЬНО-
ПРОМЫШЛЕННОГО
РАЙОНА

Монография

проект

Анна Иванова

**Социокультурные изменения
в российской деревне в 1861–
1914 гг. на примере Центрально-
промышленного района**

«Прометей»

2018

УДК 930.2
ББК 63.2

Иванова А. Н.

Социокультурные изменения в российской деревне в 1861–1914 гг. на примере Центрально-промышленного района / А. Н. Иванова — «Прометей», 2018

ISBN 978-5-907003-85-9

Монография посвящена анализу социокультурных процессов в российской деревне в период после отмены крепостного права и до начала Первой мировой войны. На основе изучения архивных материалов Московской, Владимирской и Тверской губерний Центрально-промышленного района, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, автор выявляет две взаимосвязанные, но во многом, противоречащие друг другу тенденции, одна из которых была связана с сохранением и укреплением существующих традиций, а другая вела к ломке традиционной крестьянской культуры и возникновению на селе элементов новой, массовой культуры. Выявляется влияние модернизационных факторов на нравственные установки и социальные представления крестьян, изменение отношения крестьян к образованию, эволюцию культурных потребностей и их самоидентификацию в российском обществе. Многие вопросы рассматриваются впервые в отечественной историографии. Для всех интересующихся отечественной историей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 930.2
ББК 63.2

ISBN 978-5-907003-85-9

© Иванова А. Н., 2018

© Прометей, 2018

Содержание

Введение	7
Глава 1. Социальный облик пореформенного крестьянства	22
§ 1. Общинный мир пореформенной деревни – основа традиционной социокультуры крестьянства	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна Николаевна Иванова
Социокультурные изменения в российской
деревне в 1861–1914 гг. на примере
Центрально-промышленного района

© Иванова А.Н., 2018

© Издательство «Прометей», 2018

* * *

Введение

В России во второй половине XIX – начале XX вв. под воздействием реформ и культурно-просветительной работы земской интеллигенции в крестьянской общине начались важные социокультурные процессы, распатывавшие ее патриархальные устои и традиционную культуру сельского мира. Менялись культурные потребности и духовные ценности крестьян, их представления об окружающем миропорядке, что способствовало новой самоидентификации крестьянства в модернизирующемся российском обществе. Заметнее и интенсивнее эти процессы происходили в губерниях Центрально-промышленного района, что определялось быстрыми темпами его индустриализации и урбанизации.

Для историков, социологов и культурологов проблема исследования социокультурной модернизации различных слоев российского общества, в том числе и крестьянства, актуализировалась в 1990-е гг. Термин «*социокультура*» в числе первых ввел в научный оборот русский философ и социолог П.А. Сорокин, но он не дал этому понятию полного определения. В настоящее время под «социокультурой» понимают определённую культурно-историческую среду, которая формирует психологию, нравственные, культурные ценности, мировоззрение и социальные представления определенного социума. В переломные эпохи в жизни общества под воздействием новых факторов традиционная социокультура подвергается изменениям, в ней появляются и получают развитие различные культурные новшества.

Несмотря на наличие большого количества трудов дореволюционных и современных историков по крестьяноведению, социокультурные аспекты русского крестьянского мира на рубеже XIX – XX вв. по существу ещё полностью не изучены. Исследование этой темы на материалах трёх центральных губерний промышленного региона России: Владимирской, Московской и Тверской имеет актуальность и научную значимость, поскольку впервые становится объектом специального изучения.

Эта проблема особенно актуальна и научно значима для периода социального разлома российского общества конца XX – начала XXI вв., так как без глубокого понимания особенностей сельского образа жизни, традиций и менталитета крестьян невозможны успехи в реформировании аграрного строя современной России. Актуальность данного исследования определяется и тем, что изучение социокультурного облика крестьянства даёт возможность отказаться от еще бытующих представлений о крестьянстве как о «темной», «невежественной» и «забитой» части российского общества, позволяет воссоздать более цельную картину социальной истории России на рубеже XIX – XX вв.

В последнее время для объяснения событий в России конца XIX – начала XX вв. особенно активно используется теория модернизации и так называемая «социальная история», предметом изучения которой является история отдельных групп, слоёв населения и регионов. Проблема осмысления исторических судеб крестьянства и его роли в истории России привели к возникновению такого научного направления, как крестьяноведение, в рамках которого важное место отводится историческим исследованиям регионального характера.

Историография проблемы

История и перспективы развития крестьянской общины пореформенного времени, жизнь и быт крестьян всегда были в центре внимания историков, этнографов, социологов и публицистов. По данным Б.Н. Миронова, по этой проблеме до 1917 г. было издано около трёх

тысяч книг и статей¹. Более полная информация о литературе по проблеме развития крестьянской общины в пореформенный период представлена в историографической работе С.М. Дубровского².

Исходя из утвердившихся в последнее десятилетие принципов периодизации исторических исследований, в историографии темы можно выделить три периода: *российский дореволюционный* (до 1917 г.), *советский* (20—80-е гг. XX в.) и *современный* (с начала 90-х гг. XX в.), которые различаются между собой методологическими подходами, кругом изучаемых проблем, состоянием источниковой базы.

Начало *историографии русской пореформенной общины* положили исследователи-народники В.П. Воронцов, Н.П. Дружинин, К.Р. Качоровский, А.А. Кауфман, В.С. Пругавин, И.Г. Оршанский и другие. Они собрали и систематизировали фактический материал об общине, главную функцию которой видели в уравнительных пределах земли. В своих трудах эти авторы отметили некоторые социокультурные аспекты общинного крестьянства: патриархальность, уравнительную психологию, негативное отношение к частной собственности на землю и к богатству, роль обычного права в жизни крестьян³. В то же время ряд исследователей проявил интерес к *традиционной культуре крестьян, к их бытовому укладу, нормам поведения, обычаям и обрядам*⁴. Эти работы ещё не носили исследовательского характера и представляли в основном статьи, в которых описывался различный этнографический материал и народный фольклор.

Во второй половине XIX – начале XX вв. вышли работы, посвящённые *роли православной церкви и приходского духовенства в российском обществе*. В 1860-е гг. известный духовный автор Д.М. Ростиславов отмечал, что белое духовенство из-за своей замкнутости, неканонического поведения отдельных представителей и влияния раскольников начинает терять уважение во всех сословиях, в том числе и у крестьян⁵. В литературе этого периода в основном освещались государственно-церковные отношения, а духовное сословие было представлено безотносительно к крестьянскому миру⁶.

В связи с легализацией старообрядчества в начале XX в. у исследователей появился интерес не только к истории, но и к его современному положению, *влиянию старообрядчества на крестьян и промышленников*. По данным А.С. Пругавина и И.А. Кириллова крестьяне-старообрядцы селились компактно в Московской и Владимирской губерниях, меньше их прожи-

¹ Миронов Б.Н. Историк и социология. М., 1984. с.59.

² См.: Дубровский С.М. Российская община в литературе XIX – начала XX в.: (Библиографический обзор). // Яцунский В.К. (ред.) Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. с.348–361.

³ Воронцов В.П. Крестьянская община. // Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. М., 1881; Пругавин В.С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888; Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. СПб., 1877; Дружинин Н.П. Очерки крестьянской общественной жизни. СПб., 1905; Качоровский К.Р. Народное право М., 1906; Он же. Крестьянская община (что она такое и к чему она идёт?). М., 1908; Кауфман А.А. Русская община в процессе её зарождения и роста. М., 1908; и др.

⁴ Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда. // Этнографический сборник Российского географического общества. Вып.1. СПб., 1853; Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып.1. Обычное право. М., 1884; Добрынкин Н.Г. Жизнь, нравы и обычаи крестьян в Меленковском уезде: Этнографический очерк. // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т.1. Вып.1. Владимир, 1875. с. 69—118; Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т.2. Всенародная агрономия. СПб., 1905; Астырев Н.М. Праздники в крестьянском быту Московской губернии. // Статистический ежегодник Московского губернского земства за 1887 год. М., 1887; Зобнин Ф. Игры. // Живая старина. Вып.3–4. М., 1896. с. 538–542; Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии. // Этнографический обзор. Издание этнографического отдела императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, сост. при Московском университете. № 3–4. М., 1914. с. 81—178; Весин Л.П. Современный великоросс, в его свадебных обычаях и семейной жизни. // Русская мысль. 1891. № 9—10. с. 59–88.

⁵ Ростиславов Д.М. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866. С. 374–398.

⁶ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформ Петра. Казань, 1873; Доброклонский А.П. Руководство по истории церкви (1700–1890). Вып.4. М., 1893; История христианской церкви в XIX в. Т.2. СПб., 1901; Мельгунов С. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести): Сб. статей. Вып.1. М., 1907; Верховский П.В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX столетиях. Варшава, 1912.

вало в Тверской губернии. Все авторы отмечали, что крестьяне-старообрядцы были более грамотными и строже соблюдали религиозные каноны, чем крестьяне-приверженцы официальной церкви.⁷

В досоветской историографии наибольшее внимание исследователей привлекал *процесс становления и развития системы народного образования на селе*. Авторы этих работ были видными либеральными земскими деятелями и представителями демократической научно-педагогической общественности, многие из них занимались практическими проблемами народного образования. Источниковую базу их работ составляли земские обследования, отчеты и статистические материалы уездных и губернских управ. Большинство работ носило публицистический характер. В числе первых изучением состояния сельских школ занимались С.А. Рачинский, Ф.Ф. Ольденбург, И.П. Боголепов, которые на основе земских подворных переписей в Московской и Тверской губерниях исследовали состояние школьной сети, численность учителей и учащихся, отношение крестьян к обучению детей.⁸ Среди работ по этой теме необходимо выделить исследования А.С. Пругавина, показывающие динамику численности школ и учащихся, охват обучением детей в селах Владимирской, Московской и Тверской губерний. Он отмечает более высокий уровень грамотности крестьян в промышленных и старообрядческих селениях, разбирает причины негативного отношения крестьян к обучению девочек.⁹

В начале XX в. в связи с обсуждением вопроса о введении всеобщего начального обучения и реформирования системы народного образования появляются работы обобщающего характера. В трудах Н.В. Чехова и Г.А. Фальброка показана политика правительства в области народного образования, отношение властей к церковноприходским и земским школам, вклад земств в школьное дело, численность школ и учащихся во всех типах начальных школ, состояние педагогических кадров.¹⁰ Большой резонанс у педагогической общественности вызвали сборник статей, выпущенный тверским земским деятелем князем Д.И. Шаховским, и работы члена Петербургского комитета грамотности В.И. Чарнолуцкого, в которых ставился вопрос о введении всеобщего обязательного начального обучения, были представлены различные концепции реформы и организации школьного дела.¹¹ В связи с 50-летним юбилеем учреждения земств вышли работы о вкладе земств в развитие народного образования на селе.¹²

Новые социокультурные явления в деревне изучаемых губерний на рубеже XIX–XX в. рассматривались в работах А.С. Пругавина, В.П. Вахтерова, В.И. Чарнолуцкого, А.А. Громбаха. Они отмечали большой вклад земской интеллигенции в культурно-просветительную работу среди крестьян. На основе анкетирования крестьян, проведенного учителями, авторы пришли к выводу об изменении читательских запросов крестьян.¹³ Эти же изменения отмечали

⁷ Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерк из новейшей истории раскола. М., 1904; Мельников Ф.Е. Церковно-общественная жизнь старообрядчества за 1910 г. // Церковь. 1911. № 3; Андерсон Вл. Старообрядчество и сектанство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. М., 1913; Кириллов И.А. Статистика старообрядчества. М., 1913; Сенатов В. Основы старообрядчества (философско-психологические наброски). // Церковь. 1914. № 12,13; и др.

⁸ Боголепов И.П. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Народная грамотность в Московском уезде. Т.1. Вып.2. М., 1882; Он же. Грамотность детей школьного возраста в Московском и Можайском уездах Московской губернии. М., 1894; Рачинский С.А. Заметки о сельских школах. СПб., 1883; Ольденбург Ф.Ф. Народные школы Европейской России в 1882–1892 гг. Статистические очерки. СПб., 1896.

⁹ Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. М., 1895; Он же. Промыслы Владимирской губернии. Вып.2. М., 1882.

¹⁰ Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912; Фальброк Г.А. Всеобщее образование в России. М., 1908.

¹¹ Всеобщее образование в России. Сборник статей. Под ред. князя Д.И. Шаховского. М., 1902; Чарнолуцкий В.И. Итоги общественной мысли в области народного образования. СПб., 1906; Он же. К школьной реформе. М., 1908; Он же. Основные вопросы организации школы в России. СПб., 1909.

¹² Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земской управы Тверской губернии (1864–1913 гг.). Тверь, 1914; Он же. Всеобщее обучение и земство. // Юбилейный земский сборник. М., 1914.

¹³ Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. М., 1896; Народные чтения. СПб., 1897; Пругавин А.С. Книгоноша и офени. М., 1896; Чарнолуцкий В.И. Основные вопросы организации внешкольного образования в России. СПб., 1909; Еже-

Н.А. Рубакин и А. Смирнов.¹⁴Медико-санитарное просвещение крестьян, роль земской медицины в охране здоровья сельского населения и положительное отношение крестьян к медицине освещались Д.Н. Жбанковым и К.М. Языковым.¹⁵

С появлением в деревне кружков любителей драматического искусства и небольших народных театров, создаваемых по инициативе сельской интеллигенции и профессиональных актеров, стали выходить работы организаторов и специалистов по народным театрам Н.В. Скородумова, И. Щеглова, В.В. Тихоновича, которые по-разному оценивали роль деревенских театров в эстетическом воспитании крестьян.¹⁶

Таким образом, эти исследователи заложили основы для изучения социокультурных аспектов крестьянского мира.

Для *советской историографии* характерно обращение исследователей к особенностям эволюции аграрного строя России конца XIX – начала XX в., участию крестьян в революции 1905–1907 гг., влияние столыпинской реформы на развитие крестьянского мира. При всех различиях в трактовке аграрного строя России и эволюции крестьянской общины советских историков объединяло единство методологии.¹⁷

В этот период в основном изучались проблемы становления и развития советской школы, поэтому работ по народному образованию конца XIX – начала XX в. вышло мало. Тем не менее, следует отметить труд Н.А. Константинова и В.Е. Струминского по истории начального образования в дореволюционной России и книгу Ф.Т. Па-начина о подготовке педагогических кадров.¹⁸

В 1970-е – начале 1980-х гг. изучением крестьянского мира активно занимались этнографы. В трудах Т.А. Бернштам, К.В. Чистова, В.Н. Чичерова на основе этнографического материала, в том числе и центральных областей, исследовались *особенности традиционной культуры* крестьян: годовой праздничный цикл, связанный с православием и языческими традициями, обрядовая и повседневная культура.¹⁹Особо следует выделить работу М.М. Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века».²⁰В ней изучены общие архетипы общинного поведения: коллективизм, взаимопомощь в период сезонных работ, уравнивательная психология, межличностные отношения в общине, формы общения

годник внешкольного образования. Вып.2. СПб., 1910; Вопросы народного образования в Московской губернии. // Сост. В.В. Петров. М., 1899.

¹⁴ Рубакин Н.А. К характеристике читателя и писателя из народа. // Северный вестник. 1891. № 4. с. 111–145; Смирнов А. Что читают в деревне? // Русская мысль. 1903. № 7. с. 107–116.

¹⁵ Языков К.М. Популярная медицина в деревне. М., 1896; Жбанков К.М. О деятельности санитарных бюро и общественно-санитарных учреждений в земской России. М., 1910.

¹⁶ Юрьев С.А. Деревенский театр. // Артист. 1889. Кн.3; Народный театр. М., 1896; Скородумов Н.В. Крестьянский театр. // Театр и искусство. 1910. № 4; Щеглов И. Народный театр. Очерки исследования современного народного театра. СПб., 1911; Тихонович В.В. Народный театр. М., 1918; и др.

¹⁷ См.: Редькин П.К., Фирстов В.Н. О литературе по истории крестьянского движения в революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории. 1955. № 11. с. 124–128; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство в период империализма. М., 1975; Он же. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980; Анфимов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период: (1861–1914 гг.). // История СССР. 1980. № 4. с. 26–41; Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984; и др.

¹⁸ Константинов Н.А., Струминский В.Е. Очерки по истории начального образования в России. 2-е изд. М., 1953; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976; Паначин Ф.Т. Педагогическое образование в России. М., 1979.

¹⁹ Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начала XX в.). // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. с. 120–153; Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988; Чичеров В.Н. Зимний период русского народного календаря XVI – начала XIX в.: Очерки по истории народных верований. М., 1957; Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970; Чистов К.В. (ред.) Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987; Тульцева Л.А. Выюнишники. // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978. с. 122–137 и др.

²⁰ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

взрослых и молодежи в труде и в праздники. Традиционная культура и быт крестьян Тверской губернии представлены в труде Л.А. Анохиной и Л.Н. Шмелевой.²¹

Значительный вклад в изучение *духовного мира и социальных представлений русских крестьян XIX – начала XX в.* внесли П.С. Кабытов, В.А. Козлов, Б.Г. Литвак.²² Они отметили существенные черты крестьянской психологии: патриархальность, монархизм, религиозно-мифическое восприятие действительности, приверженность к традициям и ослабление этих компонентов в сознании крестьян в начале XX в.

Однако до сих пор в историографии слабее всего изучены такие проблемы, как национальное самосознание и особенности патриотизма крестьянства, хотя они затронуты в работе А.В. Буганова.²³

Появлению в деревне таких видов искусства, как *народный театр и кинематограф* посвящены большие разделы в работах Г.А. Хайченко и С.С. Гинзбурга.²⁴

Следует отметить, что в советской исторической науке под воздействием идеологической и политической конъюнктуры дореволюционное духовенство было представлено в неприглядном свете. Священнослужители стали синонимом невежества, косности, стяжательства, а церковь оценивалась как реакционная и контрреволюционная сила, что иногда было явным преувеличением.²⁵

Антиклерикальное движение крестьян и контрреволюционная деятельность церкви в начале XX в. находятся в центре внимания в работах П.Н. Зырянова и Л.И. Емелях.²⁶ Отмечая факты негативного отношения крестьян к духовенству и церкви, Л.И. Емелях делает вывод о быстрых процессах секуляризации сознания крестьян в начале XX в. Однако факты свидетельствуют, что процесс секуляризации происходил медленно и затронул главным образом молодежь и отходников. Основная масса крестьян оставалась традиционно религиозной. Более того, по мнению Т.А. Бернштам и Г.А. Носовой, крестьяне в своих религиозных верованиях сохранили элементы язычества, были еще подвержены суевериям и предрассудкам.²⁷

В 1990-е гг. начинается новый этап в изучении истории российского крестьянства, формируется такое междисциплинарное направление, как *крестьяноведение*. В центре внимания исследователей находились вопросы, которые уже освещались в научной литературе, но историки отказались от устоявшихся идеологических стереотипов, господствовавших в советской исторической науке. Социокультурные процессы в деревне стали рассматриваться с точки зрения воздействия модернизации на все стороны жизни крестьян.

Новыми подходами в осмыслении места и роли крестьянской общины в жизни крестьян пореформенной деревни и в начале XX в.

отличаются работы современных исследователей Л.И. Кучумовой и П.Н. Зырянова.²⁸ Л.И. Кучумова на основе массовых источников раскрывает такие аспекты крестьянской

²¹ Анохина Л.А., Шмелева Л.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964.

²² Кабытов П.С. О некоторых характерных чертах духовного облика русского крестьянства начала XX века. // Кабытов П.С. (ред.) Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX в. Куйбышев, 1986; Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.

²³ Буганов А.В. Исторические представления русских крестьян XIX в. и развитие национального сознания: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1987.

²⁴ Гинзбург С.С. Кинематография в дореволюционной России. М., 1963; Хайченко Г.А. Русский народный театр конца XIX – начала XX в. М., 1975.

²⁵ Венедиктов Д.Г. Палачи в рясах. М., 1923; Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М., 1967; Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начала XX в.). М., 1969.

²⁶ Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1987; Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в первой русской революции. М. – Л., 1965; Она же. Исторические предпосылки преодоления религии в советской деревне (Секуляризация деревни накануне Великого Октября). Л., 1975. с.123.

²⁷ Бернштам Т.А. Указ. соч. с.213–230; Носова Г.А. Язычество в православно-ии. М., 1975.

²⁸ Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). М., 1992; Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М., 1992.

общины, как природно-хозяйственный комплекс, взаимоотношения общины и государства, мирское самоуправление, крестьянский двор и семья в системе общины. Автор подчёркивает, что реформы 60—70-х гг. XIX в., начавшиеся процессы индустриализации и урбанизации серьёзно затронули традиционные устои крестьянского мира. В работе П.Н. Зырянова представлена сельская община в период проведения аграрной реформы П.А. Столыпина. Во многом по-новому, в отличие от предшественников, показана реализация реформы, отношение к ней правительственных кругов и самих крестьян. Автор отмечает, что проведение реформы сдерживалось не только объективными обстоятельствами, но и связывалось с трудностями трансформации коллективного сознания крестьян и их прагматизмом.

В последнее время для объяснения исторических событий в России конца XIX – начала XX в. историки стали активно использовать *теорию модернизации*. Под модернизацией понимается процесс обновления традиционного общества на основе использования достижений более развитых стран. Модернизация меняет тип воспроизводства, государственные институты, социальные отношения и традиционную социокультуру. Препятствием на пути модернизации является устоявшийся менталитет крестьянского социума. Модернизация вызывает не только трансформацию общинных устоев, но и социокультурную инверсию, или усиление традиционных культурных ценностей, как реакцию на появление в деревне новых социокультурных тенденций.

Многие социальные проблемы российского общества, в том числе трансформация общины, рассматриваются в фундаментальном труде Б.Н. Миронова по социальной истории России XVIII – начала XX в. В работе прослеживается, как под воздействием модернизации и урбанизации, проникновения в деревню рыночных отношений и отходничества постепенно меняются внутриобщинные отношения, что приводило к столкновению традиционного менталитета с новым образом жизни крестьян. Автор отмечает, что с конца XIX века в местностях с интенсивной индустриализацией и урбанизацией в деревню начинает активно проникать массовая городская культура, под воздействием которой менялся и менталитет крестьян.²⁹

Новым явлением в российской историографии стало *изучение менталитета различных групп населения, в том числе и крестьянства*. По итогам международной конференции, проведённой в Москве 14–15 июня 1994 г., по этой теме был выпущен сборник статей.³⁰ Понятие «менталитет» пока ещё не имеет чёткого определения. Большинство исследователей под этим термином имеют в виду социально-психологические стереотипы и привычки сознания, ценностные ориентации и взгляды, заложенные культурными традициями и воспитанием и характерные для какой-нибудь социально-культурной общности, сословия или социальной группы. Ментальность – это своего рода модель восприятия и оценки действительности, выработанная массовым сознанием и разделяемая большинством членов общности. Таким образом, ментальность – это общая совокупность установок, предрасположенностей, определяющих чувства, сознание и поведение человека. Ментальность может быть индивидуальной и коллективной. В совокупности ментальности образуют некую систему – менталитет.³¹

Особенности менталитета общинного крестьянства фигурируют в качестве самостоятельной проблемы в работах Л.В. Даниловой и В.П. Данилова, К.О. Касьяновой, С.В. Лурье, Л.Т. Сенчаковой, которые связывают специфические черты сознания, социальный

²⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т.1. СПб., 1999. с.341–348.

³⁰ Менталитет и аграрное развитие России: Материалы международной конференции (XIX – XX вв.). М., 1996.

³¹ Фильд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. с. 7–22; Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода. // Вопросы истории. 1995. № 7. с.153–160; Куприянов А.И. Историческая антропология: Проблемы становления. // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996. с. 366–385; Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл. // Социологические исследования. 1996. № 5. с. 96–102; Дубов И.Г. (ред.) Менталитет россиян: Специфика сознания больших групп населения России. М., 1997; Гаршич Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. М., 1999; и др.

опыт, духовные ценности и архетипы поведения крестьян с жизнью и хозяйствованием на земле. В то же время авторы отмечают трансформирующее влияние факторов модернизации на общину, самосознание и социальные представления крестьян.³²

В этом отношении заслуживает внимания монография Л.Т. Сенчаковой.³³ В ней автор анализирует приговоры и наказания сельских и волостных сходов шести центральных губерний, в том числе Владимирской, Московской, Тверской, направляемых в 1905–1907 гг. в различные государственные инстанции, а также Всероссийскому крестьянскому союзу, и выявляет экономические, социальные и политические требования и пожелания крестьян. По мнению Л.Т. Сенчаковой, приговоры крестьян дают полное представление о понимании ими своей роли в государстве, а также какие интересы отстаивало «сознательное» крестьянство, что характеризовало его возросший уровень политического сознания. Приговорное движение нашло отражение и в книге О.Г. Буховца, написанной на материалах черноземных губерний России и Белоруссии. В ней раскрывается динамика социальных конфликтов в деревне и требования крестьян в революции 1905–1907 гг.³⁴

Новые подходы появились и в *освещении политики правительства в образовании народа*.³⁵ В работе Б.К. Тебиева большое внимание уделяется деятельности педагогических и просветительских обществ не только в развитии передовой педагогической мысли, но и в распространении народного образования на селе. Впервые в литературе подробно рассматриваются проекты реформирования школы и вклад министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева в реформу школы и введение всеобщего начального обучения.

В последние годы на основе переосмысления источников исследователи во многом по-новому стали раскрывать *роль церкви и приходского духовенства в обществе и в жизни крестьян*. В статье А.И. Конюченко рассмотрены социальный статус, экономическое положение и своеобразная субкультура православного духовенства. В работах В.А. Бердинских показана деятельность сельского духовенства в просвещении крестьян, в церковноприходских школах, в попечительствах о народной трезвости, их вклад в развитие краеведения. В уже упомянутом двухтомнике Б.Н. Миронова имеется раздел, посвященный церкви и приходскому духовенству конца XIX – начала XX в., показаны социальный статус, материальное положение и служебные обязанности священнослужителей. Отмечая ослабление значения религиозных обрядов у крестьян, автор считает, что секуляризация сознания крестьян проходила медленно, и большинство крестьян и в начале XX в. оставалось религиозным.³⁶

Значительный вклад в изучение жизни, быта приходского духовенства и его взаимоотношений с сельским миром на рубеже XIX – XX вв. внесла Т.Г. Леонтьева.³⁷ На основе пере-

³² Касьянова К.О. О русском национальном характере. М., 1994; Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. с. 22–39; Данилов, В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011; Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания – зеркало крестьянского менталитета. 1905–1907 гг. // Там же. с. 174–184; Лурье С.В. Как погибла русская община. // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. с. 136–173; Она же. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994.

³³ Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания Российского крестьянства. 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. М., 1994.

³⁴ Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996.

³⁵ Днепров Э.Д. (ред.) Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (конец XIX – начало XX в.). М., 1991; Тебиев Б.К. На рубеже веков. М., 1996.

³⁶ Конюченко А.И. Русское православное духовенство во второй половине XIX – XX вв. // Социально-политические институты провинциальной России: (XVI – начало XX в.). Челябинск, 1993. с. 76–91; Бердинских В.А. Приходское духовенство и развитие краеведения в XIX в. // Вопросы истории. 1998. № 10. с. 134–139; Он же. Русская деревня: быт и нравы. М., 2013; Римский С.В. Церковная реформа 60–70-х гг. XIX в. // Отечественная история. 1995. № 2. с. 166–175; Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. с. 305–320; Громыко М.М. Православие в жизни русского крестьянина // Живая старина. 1994. № 2. с. 3–7; Она же. О народном благочестии у русских XIX в. // Российский этнограф. М., 1993. с. 65–102.

³⁷ Леонтьева Т.Г. Духовенство и сельский мир. 1905–1922. // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Вос-

осмысления многих источников, в том числе мемуаров духовных лиц и материалов фонда духовной консистории Тверской епархии, автор исследует быт сельского духовенства и его социальный статус в сельском сообществе, не всегда простые взаимоотношения с прихожанами. В работах Т.Г. Леонтьевой уделено большое внимание просветительной и филантропической деятельности духовенства среди крестьян, что ранее было слабо изучено. Автор также отмечает, что процесс общей секуляризации сознания крестьян, затронувший в основном молодых крестьян-отходников, иногда приводил к бытовому богохульству.³⁸

В последнее время оживился интерес к *истории старообрядчества*. Так, И.В. Поздеева отмечает, что у старообрядцев и в начале XX в. сохранились исторически сложившиеся устои жизни и верность «началам древнего русского благочестия».³⁹

В современной отечественной историографии пока еще недостаточно разработан такой аспект социокультуры крестьянства, как монархизм, характерный для традиционного общества. Наибольший вклад в изучение этой проблемы внесли работы С.В. Авреха и Н.И. Черняева.⁴⁰

В последние годы возрастает интерес к *культуре и быту* пореформенной деревни.⁴¹ На этнографическом материале, в том числе и центральных губерний, М.М. Громько исследует традиции, обычаи, нормы поведения, духовные ценности и социальные представления русских крестьян XVIII – начала XX вв., показывает отношение крестьян к школе, грамоте, чтению книг, подробно анализирует традиционную праздничную культуру крестьян и формы проведения досуга молодежью.⁴² Изменению читательских запросов крестьян посвящены работы А.И. Рейтблата и книга под редакцией И.И. Фроловой.⁴³

В историографии 2000-х гг. следует отметить, прежде всего, капитальную монографию О.А. Суховой «Десять мифов крестьянского сознания», в которой на основе архивных материалов четырёх губерний Среднего Поволжья (Пензенской, Самарской, Саратовской и Ульяновской) предпринимается попытка анализа ключевых представлений «картины мира» русского крестьянства на рубеже XIX – XX вв. Автор исследует основные архетипы и мифологемы крестьянской психологии и менталитета, их эволюцию под влиянием модернизационных процессов. О.А. Сухова приходит к выводу, что крестьянское мифотворчество охватывало все наиболее значимые сферы повседневной действительности. Но при этом народное мифотворчество не исчерпывалось тривиальным искажением действительности, оно выполняло и «огромную созидательную функцию, выступая как инструмент адаптации родового сознания к изменяющейся действительности, так и способ преобразования последней».⁴⁴

поминания. Статьи. М., 2000. с. 279–299; Она же. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX в. // Вопросы истории. 2001. № 1. с. 29–43 и др.

³⁸ Леонтьева Т.Г. Духовенство и сельский мир. с.288.

³⁹ Поздеева И.В. Русское старообрядчество и Москва в начале XX в. // Мир старообрядчества. Вып.2. Москва старообрядческая. М., 1995. с.15; Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.3. М., 1998.

⁴⁰ Аврех С.В. О природе русского самодержавия. // Система государственного феодализма. М., 1993. с. 254–331; Фроянов И.А. (ред.) Дом Романовых в истории России. СПб., 1995; Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998.

⁴¹ Будина О.Р., Шмелева М.Н. Русская народная культура. // Русская духовная культура. М., 1995. с. 10–17.; Коринфский А.А. Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1995; Миролубов Ю. Русский языческий фольклор: очерки быта и нравов. М., 1995; Он же. Сакральное Руси. Т.1–2. М., 1996; Поликарпов В.С. История нравов России. От Алексея Тишайшего до Николая II. Восток и Запад. Ростов н/Д, 1995.

⁴² Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Она же. Традиционный нравственный идеал. // Русские народные традиции и современность. М., 1993. с. 65–73; См. также: Современное крестьяноведение и аграрная история в XX веке. Под ред. В. В. Бабашкина. М., 2015.

⁴³ Рейтблат А.И. Читатель лубочной литературы. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в. Вып.5. Л., 1990. с. 125–137; Он же. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991; Фролова И.И. (ред.) Книга в России. 1881–1895. СПб., 1997.

⁴⁴ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX вв.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. с. 616–617.

Можно также отметить историографические работы Л.Н. Бродовской и А.В. Гаврилова, а также статьи В.Я. Филимонова и В.И. Фёдоровой, в которых на примере Калужской и Енисейской губерний разбирается проблема социальной адаптации крестьянства к модернизационным процессам на рубеже XIX – XX вв.⁴⁵

К проблемам истории крестьянства на рубеже XIX – XX вв. возрос интерес и в *зарубежной исторической науке*. Общие тенденции в развитии российского крестьянства стали объектом изучения английского историка Т. Шанина.⁴⁶

В американской историографии также появились работы, в которых историки обращаются к недостаточно разработанной теме – социокультурной истории крестьянства пореформенной деревни. В своих исследованиях Дж. Брукс и Б. Эклоф представляют крестьян не как «пассивную и темную силу», а людей, стремящихся к знаниям, при этом отмечают прагматизм крестьян по отношению к образованию. Дж. Брукс выявляет расширение круга чтения крестьян от популярной до серьезной литературы, увеличения чтения газет и журналов.⁴⁷ Д. Фильд отвергает стереотипный образ консервативного русского крестьянина, а исследователи Г. Фриз, Б. Михен-Уотерс и К. Чулос утверждают, что религиозность крестьян не противоречила их эпизодическим актам протеста против духовенства. По их мнению, это не свидетельствовало об антиклерикальных настроениях среди крестьян.⁴⁸ О медленном процессе секуляризации массового сознания крестьян, десакрализации природы и власти пишет Х. Кокс⁴⁹.

Дж. Бердз исследует процесс влияния крестьян-отходников на складывание в деревне культуры массового потребления.⁵⁰ Об участии крестьян в революции 1905–1907 гг., их борьбе за «землю и волю» и возросшем самосознании пишут Д. Байрау и Т. Шанин.⁵¹ В июне 1994 г. в Москве в работе научной конференции, посвященной российскому крестьянству, участвовали американские историки С. Хок, Д. Фильд, Б. Энгел, Д. Ренсел.⁵²

Несмотря на то, что отдельные сюжеты изучаемой темы частично рассматривались в общих и специальных исследованиях, в целом комплекс проблем социокультуры крестьянства центральных губерний на рубеже XIX – XX вв. еще не получил достаточного освещения. Это даёт основание утверждать, что социокультурные проблемы крестьянства в региональном отношении и в данных хронологических рамках рассматриваемого нами периода требуют дальнейшего изучения.

⁴⁵ Бродовская Л.Н. Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории. // Власть. 2013. № 4. с. 189–191; Гаврилов А.В. Аграрный вопрос в зеркале дискуссий в дореволюционной историографии. // Самарский научный вестник. 2018. Т.7. № 1. с. 225–233; Филимонов В.Я. История крестьянства западного региона России: итоги изучения. // Вестник Калужского университета. 2008. № 1–2. с. 39–47; Фёдорова В.И. Учительская интеллигенция и крестьянство Енисейской губернии на рубеже XIX – начала XX вв.: проблема социокультурной адаптации. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 3(41). с. 105–113.

⁴⁶ Шанин Т. Понятие крестьянства. // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. с. 11–15; Он же. Шанин Т. Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм. // Крестьянство. Теория. История. Современность. М., 1996. с. 8–25.

⁴⁷ Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature. 1861–1917. Princeton, 1985; Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom Village Culture, and Popular Pedagogy. 1861–1914. Berkeley, 1986.

⁴⁸ Freeze J.L. The Parish Clergy in Nineteenth – Century Russia: Crises, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983; Meehan-Waters B. To Save Oneself: Russian Peasant Women and the Development of Women Religion in Post-Emancipation Russia: Woronezh Province. 1880–1917. Ph. D. diss., University of Chicago, 1964.

⁴⁹ Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. // Пер. с англ. О. Боровой и К. Гуровой. М., 1995. с. 36.

⁵⁰ Burds J. Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village. 1861–1905. Pittsburgh, 1998. p.188, 213, 217–218.

⁵¹ Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. с. 19–32; Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. // Пер. с англ. М., 1997.

⁵² Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы меж-дународной конференции. Москва 14–15 июня 1994 г. М., 1996.

В данном исследовании впервые на основе значительного количества вводимых в научный оборот источников изучаются социокультурные процессы в сельском мире центральных губерний в конце XIX – начале XX века. Социокультурные процессы рассматриваются комплексно по широкому кругу вопросов: влияние модернизационных факторов на нравственные установки и социальные представления крестьян, взаимоотношения духовенства и сельского мира и начавшиеся процессы секуляризации сознания крестьян, изменение отношения крестьян к образованию и знаниям, эволюция культурных потребностей крестьян и их самоидентификация в нарождающемся гражданском обществе России.

Собранный материал и проведенное на его основе исследование позволяют расширить знания о социокультурном облике крестьян конца XIX – начала XX в., наметить новые направления для его дальнейшего изучения.

Обзор источников

Комплекс источников можно разделить на семь групп:

1. Основную группу составляют материалы 23 фондов трех архивов: Государственного архива Владимирской области (ГАВО), Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ), Государственного архива Тверской области (ГАТО).

Важное значение для понимания политики правительства в области народного образования и состояния школьного дела имеет фонд канцелярии попечителя Московского учебного округа и дирекции народных училищ (ЦИАМ. Ф. 459.), в который входили 11 губерний Центрально-промышленного района. В фонде представлена делопроизводственная документация: циркуляры Министерства народного просвещения, переписка попечителя учебного округа и дирекции народных училищ с министерством и губернскими дирекциями народных училищ, различная отчетная документация о состоянии школьной сети в губерниях, о численности и составе учителей и учащихся, статистические данные о школьных и народных библиотеках на селе, наличии в них книг, отчеты о проведении и тематике народных чтений.

Ценный материал, раскрывающий деятельность губернских и уездных земств по развитию народного образования на селе, получен из фондов отделов народного образования губернских управ Владимирской (ГАВО. Ф. 379.), Московской (ЦИАМ. Ф. 184.), Тверской губерний (ГАТО. Ф. 800.). В них представлены материалы по финансированию, строительству и состоянию земских школ, организации педагогических курсов, проведению губернских и общеземских съездов по народному образованию, разработке школьной сети; представлены проекты губернских управ по введению всеобщего начального обучения, а также статистические данные о численности учителей и учащихся. Представляют интерес материалы земских обследований крестьянских семей по поводу непосещения школ детьми и отношения крестьян к обучению детей.

В фонде Московского столичного и губернского статистического комитета (Ф. 199. Описи 1, 2.) имеются сведения об учебных заведениях Московской губернии, в том числе о церковноприходских школах и школах грамотности.

Материал, касающийся развития школьной сети Владимирской и Тверской губерний, был получен из фондов Владимирского губернского (Ф. 451.) и Тверского губернского (Ф. 642.) Учебных советов. В них имеются ходатайства крестьян об открытии начальных школ, списки попечителей школ, в том числе из крестьян, протоколы заседаний учебных советов.

Многие полученные данные были систематизированы и сведены в *таблицы*, позволяющие проследить особенности развития народного образования на селе, показать вклад земств в решение проблемы создания системы всеобщего начального обучения.

Из фондов канцелярий владимирского (Ф. 140.) и тверского (Ф. 56.) губернаторов, фондов Владимирского губернского (Ф. 204.) и Тверского (Ф. 488.) присутствий использованы

документальные материалы, раскрывающие многие аспекты социокультурных изменений на селе. Прежде всего, это ходатайства крестьян о разрешении им издавать газеты, открывать типографии и кинотеатры. В них представлены сведения о книжных складах, лавках и библиотеках на селе, сельских народных театрах и спектаклях, устройстве сельскохозяйственных чтений и курсов.

В фондах губернских жандармских управлений Владимирской (Ф. 704.) и Тверской губерний (Ф. 927.) использованы дела по обвинению крестьян в оскорблении личности царя, а также дела по обвинению крестьян в распространении прокламаций, пении революционных песен и участии в демонстрациях в период революции 1905–1907 гг.

Также при работе над монографией были привлечены материалы губернских комитетов попечительства о народной трезвости Владимирской (Ф. 542.) и Тверской губерний (Ф. 133.), которые проводили разнообразную культурно-просветительную работу среди крестьян. Особый интерес представляют отчёты о работе чайных попечительств, которые были своеобразными клубами на селе. Изучение этих материалов позволяет сделать вывод о появлении в деревне элементов массовой городской культуры и изменении культурных запросов крестьян.

Богатый материал, раскрывающий жизнь сельских приходов и взаимоотношение духовенства с сельским миром, содержится в фондах Духовных консисторий – Владимирской (Ф. 556.), Московской (Ф. 203.) и Тверской (Ф. 160.) епархий. В них имеются указы Святейшего Синода, отчёты архиереев о положении дел в епархиях, донесения благочинных и приходских священников о состоянии церквей, положении духовенства; ведомости о пожертвованиях крестьян в пользу церквей и монастырей, сведения о церковной благотворительности; донесения о посещении крестьянами церковных служб, неявки на исповедь и к святому причастию. Имеются документы с фактами богохульства и негативного отношения отдельных крестьян к духовенству, а также о позициях сельских священников в период аграрных беспорядков в 1905–1907 гг. Изучение этого комплекса материалов позволяет выявить причины падения авторитета духовенства в глазах части крестьян и проследить особенности процесса секуляризации сознания крестьян на рубеже веков.

Из фондов Владимирского (Ф. 450.) и Тверского (Ф. 643.) епархиальных училищных советов использованы статистические сведения о наличии церковноприходских школ и школ грамоты, численность законоучителей и учащихся. Документы православных братств и церковных попечительств о народной трезвости раскрывают религиозно-просветительную деятельность сельского духовенства среди крестьян.

Документальные материалы названных фондов ранее *не были опубликованы и впервые вводятся в научный оборот.*

2. При работе над монографией был использован значительный объём *опубликованных материалов.* Прежде всего, это документы, извлечённые из сборников законов и правительственных постановлений по народному образованию, указы Синода о компетенции епархиальных училищных советов и Положение о церковноприходских школах и школах грамоты, отчёты обер-прокурора Синода за 1901, 1903–1904, 1908–1909, 1911–1912 гг.

Значительный интерес для исследования представляют труды, доклады и постановления Первого общеземского съезда по народному образованию 1911 г. и труды съезда крестьян-старобрядцев 1906 г. в Москве. В трудах Первого Всероссийского съезда сценических деятелей 1898 г. и Всероссийского съезда деятелей народного театра в Москве 27 декабря 1915 – 5 января 1916 гг. представлена информация о сельских театрах и об отношении к ним крестьян.

Протоколы Учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза (ВКС) 1905 г., а также приговоры и наказания крестьянских обществ в 1905–1907 гг. дают полное представле-

ние о росте самосознания крестьян и их социальных представлениях в годы Первой русской революции.⁵³

Важным источником информации о социальных конфликтах в деревне и социальных представлениях крестьян, их отношении к властям и духовенству в период революции 1905–1907 гг. являются различные документальные сборники.⁵⁴

3. Большую помощь в раскрытии многих сюжетов темы оказали *статистические материалы*. В первую очередь это губернские материалы Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. Они дают представление о социально-демографической ситуации в деревне и уровне грамотности крестьян. Среди статистических сборников необходимо выделить тома «Статистики землевладения 1905 г.», «Мирские доходы и расходы» за 1881, 1892–1894 и 1905 гг. по 50 губерниям Европейской России, материалы земских подворных переписей за 1880–1913 гг., обработанные З.М. и Н.А. Свамицкими.⁵⁵ Они позволяют выявить ряд аспектов состояния крестьянского хозяйства, изменения общинных порядков и социально-демографические сдвиги в деревне.

Обширный массив информации для изучения проблем развития народного образования на селе содержится в общероссийских и земских губернских статистических сборниках, обзорах и ежегодниках, которые раскрывают деятельность земств по развитию школьной сети, введению всеобщего начального обучения, состоянию школ, динамике численности учащихся и учителей.⁵⁶

Наибольшую ценность для выявления изменений в социокультурном облике крестьянства представляют материалы обследований, проведённые земскими корреспондентами и учителями, помещённые в различных печатных изданиях земств и в статистических ежегодниках. Они свидетельствуют о положительном отношении крестьян к образованию и введению всеобщего начального обучения детей.⁵⁷

⁵³ Сборники постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VI. СПб., 1876; Всеобщее обучение: Сборник законов и правительственных распоряжений. // Сост. К. Денисов. Вып. 1–3. СПб., 1913–1916; Церковноприходские школы и школы грамоты Российской империи в 1896 и 1897 гг.: Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода. СПб., 1899; Доклады Первому Общеземскому съезду по народному образованию 1911 г.: В 2-х т. М., 1911; Постановление Первого Общеземского съезда по народному образованию в Москве 16–30 августа 1911 г. М., 1911; Труды Первого Всероссийского съезда сценических деятелей. М., 1898; Труды Всероссийского съезда деятелей народного театра в Москве 27 декабря 1915 – 5 января 1916 г. М., 1916; Протоколы Учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза. М., 1906; Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1901, 1903–1904, 1908–1909, 1911–1912. СПб., 1905–1914; Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания Российского крестьянства. 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. Приложение. М., 1994; и др.

⁵⁴ Аграрное движение 1905–1907 гг. в Московской губернии. Сборник документов. М., 1936; Крестьянское движение в России 1881–1889. Сборник документов. М., 1960; Тверской край в XX в. Документы и материалы. 1895–1907. Вып. 1–3. Тверь, 1994.

⁵⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Владимирская губерния. М., 1900; Там же. Московская губерния. СПб., 1905; Там же. Тверская губерния. СПб., 1904; Статистика землевладения. 1905 г. Вып. 1. Московская губерния. СПб., 1906; Там же. Вып. 3. Владимирская губерния. СПб., 1906; Там же. Вып. 4. Тверская губерния. СПб., 1906; Мирские расходы крестьян за 1881 год. СПб., 1886; Мирские доходы и расходы за 1892–1894 гг. по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1897; Мирские доходы и расходы за 1905 год по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1909; Россия 1913 г. Статистико-документальный справочник. М., 1995; Свамицкая З.М., Свамицкий Н.А. Земские подворные переписи, 1880–1913: Поуездные итоги. М., 1926.

⁵⁶ Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып. 1. За 1896 г. СПб., 1898; Там же. Вып. 2. За 1898 г. СПб., 1900; Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведённая 18 января 1911 г. Вып. XVI. Итоги по империи. Пг., 1916; Доклады Тверской губернской земской управы очередному земскому собранию о народном образовании. Тверь, 1888; Статистический ежегодник по Московской губернии. М., 1902; Статистический ежегодник Тверской губернии за 1897 г. Тверь, 1898; Там же. За 1910 г. Тверь, 1911; Сведения о народном образовании Тверской губернии за 1914–1915 уч. год. Тверь, 1916; Статистический обзор народного образования в Московской губернии за 1913–1914 уч. год. М., 1915; и др.

⁵⁷ Календарь и памятная книжка Владимирской губернии за 1913 г. Владимир, 1914; Московское губернское земство. Вопросы народного образования в Московской губернии. // Сост. В.В. Петров. Вып. 3. М., 1900; Статистический сборник народного образования в Московской губернии за 1909–1910 уч. год. // Сост. Н. Казимиров. М., 1911; Петерсон Н.Л. Просвещение. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1896; Особое совещание о нуждах

В земских сборниках отражена культурно-просветительная деятельность земской интеллигенции среди крестьян, представлены материалы о библиотечной сети на селе, проведении народных чтений, изменении читательских запросов крестьян.⁵⁸

4. *Мемуары и дневники*. Эта группа источников имеет важное значение для понимания социокультурных процессов в деревне на рубеже веков. Это, прежде всего, мемуары председателя правительства С.Ю. Витте, министра финансов (позднее председателя правительства) В.Н. Коковцова и министра народного просвещения А.Н. Шварца.⁵⁹

Жизнь и быт сельского духовенства и его взаимоотношения с сельским миром нашли отражение в воспоминаниях митрополита Евлогия и архиепископа Тверского и Кашинского Саввы. Традиционализм и отношение крестьян к новым социокультурным явлениям в деревне точно подмечены в воспоминаниях крестьянского писателя из Волоколамского уезда Московской губернии С.Т. Семёнова, бывшего крестьянина и агронома И.Я. Столярова. О событиях и настроениях крестьян в подмосковной деревне в 1905 г. свидетельствуют воспоминания крестьян. В мемуарах известного книгоиздателя И.Д. Сытина, актеров П.Н. Орленева и А.А. Мгеброва, земских учителей Н.Б. Петровой и Д.И. Тихомирова содержится интересный материал об отношении крестьян к чтению книг и газет, к школе и обучению детей, восприятие крестьянами театральных постановок.⁶⁰

Ценным источником сведений о жизни духовного сословия и его взаимоотношениях с окружающим миром являются дневниковые записи священника из г. Калязина Тверской губернии И.С. Белюстина. О социальных представлениях и жизни крестьян пореформенной России свидетельствуют письма помещика и знатока крестьянской жизни А.Н. Энгельгардта.⁶¹ Специфичность этого вида источников состоит в том, что реалии жизни в них отражены субъективно, а иногда и откровенно тенденциозно.

5. Важным источником информации о жизни крестьян являются *публицистические произведения* писателей-народников Н.Н. Златовратского, В.Г. Короленко, А.И. Фаресова, Г.И. Успенского, а также А.М. Горького и просветителя А.Н. Рубакина.⁶² В них отмечены особенности традиционной крестьянской культуры: патриархальность, представления о собственности, богатстве и бедности, справедливости, социальное поведение крестьян, религиозно-мифологическое восприятие действительности, монархизм, изменение культурных запросов крестьян, то есть, представлена основная структура крестьянской ментальности.

сельскохозяйственной промышленности. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т.6. Владимирская губерния. СПб., 1903; Там же. Т.23. Московская губерния. СПб., 1903; Там же. Т.42. Тверская губерния. СПб., 1903; Прокопович С.Н. Местные люди о нуждах России. СПб., 1904.

⁵⁸ Ежегодник: Обзор книг для народного чтения. М., 1895; Ежегодник Московского земства. М., 1907; Ежегодник внешкольного образования. Вып. 1–2. М., 1907, 1910; Московская губерния по местному обследованию 1898–1900 гг. Т.1. Вып. 1. М., 1904; Календарь и записная книжка земского корреспондента Московской губернии. М., 1913; и др.

⁵⁹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1–3. М. – Пг., 1923; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919 гг. М., 1991; Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о государе. М., 1994.

⁶⁰ Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. М., 1994; Савва, архиепископ. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т.1. Сергиев-Посад, 1898; Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915; Столяров И.Я. Записки русского крестьянина. М., 1989; Деревня в 1905 году. По воспоминаниям крестьян. М., 1930; Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962; Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. Л. – М., 1961; Мгебров А.А. Жизнь в театре. Л., 1929. Тихомиров Д.И. Записки о губернских краткосрочных педагогических курсах в Твери. Тверь, 1896.

⁶¹ Из истории провинциального духовенства. И.С. Белюстин. Заметки. 1847–1850. М. – Тверь, 2001; Энгельгарт А.Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. М., 1987.

⁶² Златовратский Н.Н. Очерки крестьянской общины. // Собр. соч. Т.8. СПб., 1913; Короленко В.Г. Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. М., 1991; Фаресов А.И. Мужики и начальство. СПб., 1906; Успенский Г.И. Власть земли. М., 1988; Горький А.М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922; Рубакин А.Н. Этюды о русской читающей публике. М., 1895; и др.

6. В данном исследовании использован богатый *этнографический и краеведческий материал* из опубликованных материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева и из других этнографических сборников, изданных Российским Географическим обществом.⁶³

7. *Материалы прессы.* К исследованию были привлечены материалы местной и центральной периодической печати изучаемого периода. На страницах газет «Правительственный вестник», «Русские ведомости», «Владимирские губернские ведомости», «Московские губернские ведомости», «Московские ведомости», «Тверские губернские ведомости», «Тверская газета» печаталась информация о принимаемых властями и органами местного самоуправления мерах по развитию просвещения и культуры, помещены материалы краеведческого характера. Местные газеты освещали предвыборные кампании в Государственные думы, а также приговоры крестьянских сходов в 1905–1907 гг. В журналах «Русская школа», «Вестник воспитания», «Для народного учителя», «Образование», «Народный театр», «Театр и искусство» освещалась жизнь учителей и учащихся, публиковались заметки о проблемах сельской школы, письма учителей, ходатайства крестьян об открытии земских школ, информация об экскурсиях учащихся по достопримечательным местам Москвы, Владимира и Твери, сведения о сельских театрах. Информационный материал о жизни сельского духовенства, церковной и крестьянской благотворительности, взаимоотношениях духовенства и сельского мира имеется в печатных изданиях, выпускавшихся синодальной типографией и епархиальными издательствами: «Церковный вестник», «Богословский вестник», «Церковь», «Московские епархиальные ведомости», «Тверской епархиальный вестник», а также в журналах «Вестник благотворительности», «Трудовая помощь» и другие.

Совокупность вышеперечисленных документов и материалов позволяет дать обстоятельную картину основных социокультурных процессов в деревне центральных губерний в изучаемый период.

Хронологические рамки исследования включают период с 1880-х гг. по 1914 г. Выбор хронологических рамок объясняется тем, что с начала 1880-х гг., в связи с начавшейся индустриализацией, втягиванием крестьянских хозяйств в рыночные отношения и просветительной деятельностью земств, в деревне промышленно развитых центральных губерний наметились важные социокультурные процессы. Под их воздействием происходит трансформация общинных порядков, в традиционной культуре крестьянства появляются элементы городской массовой культуры, растет самосознание крестьян. Верхняя хронологическая грань исследования определяется начавшейся в 1914 г. мировой войной, которая кардинальным образом изменила обстановку в стране.

Территориальные рамки исследования. Социокультурные процессы, происходившие в деревне на рубеже веков, анализируются на материалах трех губерний Центрально-промышленного района – Владимирской, Московской, Тверской. Одинаковые природно-климатические условия, историческое прошлое, высокий уровень индустриального развития и разнообразных форм промышленной деятельности на селе, их тесная связь с земледелием, динамичные процессы урбанизации и миграции сельского населения, влияние города на жизнь деревни – всё это создавало общие черты и тенденции в социально-экономическом и культурном развитии этих губерний.

Целью данного исследования является анализ социокультурных процессов в деревне в конце XIX – начале XX вв., выявление и изучение в них *двух взаимосвязанных и, во многом, противоречащих друг другу тенденций*, одна из которых была связана с сохранением и укреп-

⁶³ Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 1–3. М., 1889; Фирсов Б.М., Киселева И.Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993; и др.

лением существующих традиций, а другая вела к ломке традиционной крестьянской культуры и возникновению на селе элементов новой, массовой культуры.

Указанная цель определяет *основные задачи*, которые необходимо решить в данном исследовании:

- определить основные черты традиционной крестьянской культуры в изучаемом регионе;
- рассмотреть влияние внешних факторов на нравственные установки и социальные представления крестьян;
- выявить роль церкви и духовенства в жизни сельского мира в пореформенный период и показать начавшийся в условиях модернизации процесс секуляризации сознания крестьян;
- проанализировать основные направления в развитии народного образования на селе и мотивы отношения крестьян к образованию и знаниям как факторам адаптации к новым условиям жизнедеятельности;
- проследить эволюцию культурных потребностей и запросов крестьян;
- дать анализ изменений в самосознании крестьян в начале XX в.

Методологическую основу данного исследования составляют системный (комплексный) подход, предполагающий учет многообразия факторов, влиявших на социокультурные процессы на селе, а также принципы историзма и объективности. В качестве научно-исследовательского инструментария использовались сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, что определялось проблематикой, целями и задачами исследования и характером используемых источников.

Глава 1. Социальный облик пореформенного крестьянства

§ 1. Общинный мир пореформенной деревни – основа традиционной социокультуры крестьянства

В центрально-промышленных губерниях к началу XX в. проживало 15 % населения Европейской России. Среди них крупнейшими были Владимирская, Московская и Тверская губернии. В территориальном отношении наиболее крупной была Тверская губерния – 56,8 тыс. квадратных верст, Владимирская – 42,8 тыс. кв. верст, Московская губерния – 29,2 тыс. кв. верст. По численности населения впереди была Московская губерния. В ней проживало 3.565 тыс. человек, в том числе в сельской местности губернии – 2.431 тыс. Население Москвы и 13 уездных городов составляло 1.134 тыс., или 31,8 % жителей. Среди центрально-промышленных губерний это была самая урбанизированная губерния. Тем не менее, среди всего населения губернии преобладали крестьяне – 1.894 тыс. жителей (78 %), а в уездах – 91,3 %. По плотности населения Московская губерния – 83,1 человека на квадратную версту – была самой густонаселённой. На втором месте по численности населения находилась Тверская губерния – 1.769 тыс. человек, с плотностью населения 31,1 человека на квадратную версту. Большинство населения губернии – 1.642 тыс. человек, или 92,8 %, составляло крестьянство. Во Владимирской губернии числилось 1.516 тыс. жителей, в том числе в сельской местности – 1.325 тыс. человек (87,4 %). Плотность населения губернии составляла 35,4 человека на квадратную версту.⁶⁴

По данным подворных земских переписей первого периода, проведённых в 1882–1892 гг., в Тверской губернии насчитывалось 9.954 селения, во Владимирской – 6.126 селений, в Московской губернии – 5336 сел и деревень.⁶⁵ Для сельской поселенческой структуры губерний была характерна мелкоконтурность и территориальная разбросанность селений: они имели сравнительно небольшие размеры от 20 до 60 дворов. В среднем в селениях губерний проживало: в Тверской – 160 человек, Владимирской – 182, Московской – 194 человека.⁶⁶ В них числилось соответственно: 175.838, 233.767 и 190.120 крестьянских дворов. Средняя населенность крестьянского двора (человек обою пола) составляла в Тверской губернии – 8,9, Московской – 6,7, Владимирской губернии – 5,6 человека. В Нечерноземном центре в целом – 5,2 человека.⁶⁷

В конце XIX – начале XX вв. во Владимирской, Тверской и особенно в Московской губерниях под воздействием начавшейся индустриализации, развитием средств коммуникаций и других факторов наметились процессы урбанизации. Наиболее промышленно развитой из них была Московская губерния. В основном в Москве и в уездных городах насчитывалось 1940 фабрик и заводов. Кроме этого в губернии имелось 6580 мелких промышленных и 4560 торговых заведений. В двух уездах – Богородском и Бронницком более половины сельского населения было занято в промышленности. Во Владимирской губернии имелось 8420 крупных

⁶⁴ Подсчитано: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Владимирская губерния. Тетрадь 1. М., 1900. с. 1, 2; Там же. Московская губерния. СПб., 1905. XXXIII. с. 1–2; Там же. Тверская губерния. Т.43. СПб., 1904. с. III–IV, 2–3.

⁶⁵ Свавицкая З.М., Свавицкий Н.М. Земские подворные переписи: поездные итоги. 1880–1913. М., 1926. с. 12, 15.

⁶⁶ Воейков А. Людность селений Европейской России и Западной Сибири. // Известия Русского географического общества. СПб., 1909. Т. XLV. Вып. 1. с. 42.

⁶⁷ Подсчитано: Свавицкая З.М. Свавицкий Н.М. Указ. соч. с. 92–93.

и мелких промышленных и около 2500 торговых заведений, в Покровском уезде более половины населения было занято в промышленности.⁶⁸

Природно-климатические условия, различное плодородие почв обусловили специализацию сельскохозяйственного производства в этих старопахотных губерниях. Так, в Тверской и северо-западной части Московской губернии преобладало льноводство. Повсеместно развивалось производство основных зерновых культур и картофеля, травосеяние, мясо-молочное животноводство и пчеловодство. Возле губернских и уездных городов было развито овощеводство и садоводство.

Население России за вторую половину XIX в. увеличилось примерно с 68 млн. до 124 млн. человек, а к 1914 году его численность достигла 160 млн. человек. Демографический взрыв произошел в основном за счет сельского населения. В крестьянских семьях до начала XX в. рождаемость практически не регулировалась, так как вмешательство в таинства зачатия и рождения считалось большим грехом. На тысячу человек рождалось примерно 50 детей. В результате снижения смертности в детском возрасте, что было прямым следствием земской реформы, предусматривавшей среди прочего создания земских амбулаторий в сельской местности, естественный прирост населения в деревне был значительным и составлял около 1 % в год.⁶⁹ Всё это привело к *аграрному перенаселению* и обострило демографическую ситуацию в деревне. Поэтому в начале XX в. большое число молодых крестьян не находило возможности применить свои силы в деревне и обеспечить себя необходимыми средствами даже по нормам минималистской трудовой морали.

В Тверской губернии численность сельских жителей за полвека с 1850 г. к началу XX в. выросла в 1,4 раза, а в «старопахотных» уездах плотность населения увеличилась в 1,7 раза.⁷⁰ Со времени проведения земских подворных переписей в 1882–1892 гг. к 1913 г. во Владимирской губернии численность сельского населения выросла с 1.325 тыс. до 1.750 тыс. человек, или в 1,3 раза; в Московской с 1.330 тыс. до 1.691 тыс., или в 1,27 раза; в Тверской губернии с 1.575 тыс. до 2.214 тыс., или в 1,4 раза.⁷¹ Численность мужчин и женщин в абсолютных цифрах выросла, но доля мужчин уменьшилась и составляла относительно численности женщин в 1882–1892 гг. по Владимирской губернии – 48,2 %, Московской – 48,2 %, Тверской губернии – 47,8 %. В 1913 году доля мужчин стала еще меньше, соответственно по губерниям: 47,8 %; 46,3 и 46,7 %.⁷² Это было связано с более высокой смертностью среди мужчин, а также с их уходом на заработки в города, в том числе и других губерний.

Наглядную картину половозрастного состава сельского населения в конце XIX в. даёт перепись населения 1897 г. Так, например, в Московской губернии насчитывалось 1.296.199 сельских жителей обоего пола. Доля лиц мужского пола составляла 44,5 %, женского – 55,5 %. В том числе детей, подростков, девушек и юношей от 1 года до 19 лет насчитывалось 599,3 тысячи человек, или 46,2 % от общего числа жителей, что свидетельствовало о демографическом всплеске в последние два десятилетия XIX в. Во всех возрастных группах от 20 до 59 лет наблюдалась тенденция к снижению доли лиц мужского пола.⁷³ Почти такие же показатели половозрастной структуры были характерны для Владимирской и Тверской губерний.

⁶⁸ Подсчитано: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Московская губерния. С. XXXVI; Свавицкая З.М. Свавицкий Н.М. Указ. соч. с. 99, 135.

⁶⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т.1. СПб., 1999. с. 308–309.

⁷⁰ Мантрова С.А., Ткаченко А.А. Некоторые черты динамики сельского населения Тверской губернии в пореформенное время. // Вопросы исторической географии России. Тверь, 1995. с. 89.

⁷¹ Свавицкая З.М. Сваицкий Н.М. Указ. соч. с. 92–94; Статистический ежегодник. Россия 1914 г. Пг., 1915. с. 33–57.

⁷² Подсчитано: Свавицкая З.М. Сваицкий Н.М. Указ. соч. с. 93–94; Статистический ежегодник. Россия 1914 г. Пг., 1915. С. 33–57.

⁷³ Подсчитано: Первая всеобщая перепись населения, 1897 г. Московская губерния. с. 10–11.

По переписи населения в 1897 г. доля крестьян в общем населении страны составляла 84 %, но только 74 % от всего населения было занято сельскохозяйственным производством. В Тверской губернии крестьяне составляли 92,8 %, во Владимирской – 87,4 %, в Московской губернии – 78 % населения. Однако крестьянским трудом в Тверской губернии занималось 80,9 % сельского населения, во Владимирской – около 80 %, в Московской губернии 47,7 %. Остальные крестьяне сочетали труд в сельском хозяйстве с работой в промышленности или занимались различными местными промыслами.⁷⁴

В действующем законе слово «крестьянин» часто чередовалось со словом «сельский обыватель». Сельскими обывателями, или сельскими жителями, могли быть крестьяне, дворяне и мещане. Сельский обыватель мог стать крестьянином лишь только тогда, когда он приписывался к какому-либо сельскому или волостному обществу, хотя мог жить в деревне или в городе. Для получения мирского надела земли вступающий в сельское общество должен был получить не менее двух третей голосов крестьян, имеющих право голоса на сельском сходе.⁷⁵

Как известно, в процессе проведения крестьянской реформы 1861 г. бывшие помещичьи крестьяне были переведены на положение «временнообязанных», платили оброк или несли барщину в пользу бывших владельцев. Кроме этого бывшие помещичьи крестьяне в течение 49 лет – до 1910 г., а некоторых случаях до 1920-х гг. должны были платить государству выкупные платежи. К 1870 г. 66,6 % бывших помещичьих крестьян, а к 1881 г. уже 84,7 % крестьян были переведены на выкуп и получили статус крестьян-собственников.⁷⁶ Остальных крестьян с 1 января 1883 г. государство перевело на выкуп, а временнообязанные отношения были прекращены.

После введения в 1889 г. института земских начальников, назначаемых из дворян и отставных офицеров, крестьяне вновь попали под полный контроль местного дворянства. Практически вплоть до революции 1905–1907 гг. сохранялось *сословное неравноправие* крестьян и такой пережиток крепостного права, как телесные наказания. По закону от 17 апреля 1863 г. телесные наказания для крестьян ограничивались, но сохранялись для тех, кто не имел образовательного ценза, еще не достиг 60-летнего возраста, не страдал болезнями и не занимал каких-либо должностей в сельской администрации. Женщины, дети и подростки освобождались от телесных наказаний. В этом отношении крестьяне приравнивались к арестантам и ссыльнокаторжным, на которых распространялись телесные наказания.⁷⁷ В 1903 г. согласно «Уложению о наказаниях», телесные наказания для крестьян были отменены.⁷⁸

Почти всё сословие крестьян Европейской России, за исключением Прибалтики, входило в состав социальной организации, которую чаще всего называли «общиной», или «сельской общиной». Сами крестьяне называли это «миром», или «обществом» («обществом»). С 1838 г. община стала официально называться «поземельной общиной», а как административно-полицейская единица – «сельским обществом». После отмены крепостного права в 1861–1866 гг. такое ее двойное название сохранилось, а сельские общества всех категорий крестьян получили права юридического лица и были поставлены под полный контроль коронной администрации.⁷⁹

⁷⁴ Подсчитано: Общий свод данных переписи 1897 г. Т.2. СПб., 1905. С. LI; Первая всеобщая перепись населения, 1897 г. Московская губерния. С. XXXIII, XXXVI; Там же. Тверская губерния. с. V, XI, XIII. с. 2–3; Там же. Владимирская губерния. Тетрадь 1. с. 1–3.

⁷⁵ Крестьянские законы. Вып. 2. Право крестьян на землю. Сост. В.П. Дроздов. М., 1910. с. 3–4.

⁷⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т.1. с. 302–308.

⁷⁷ Тимофеев А. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897. с. 83–126.

⁷⁸ Уложение о наказаниях. 1903 г. СПб., 1904. Гл.1. Ст.15.

⁷⁹ Сборник материалов для изучения общины. Т.1. СПб., 1880. с. 1–2, 159, 257; Щербина Ф. Русская земельная община. // Русская мысль. 1880. № 5. с. 1–30.

«Верхи» крепко держались за общинное устройство жизни крестьян, и для этого были *две основные причины*. По признанию С.Ю. Витте, в основе государственной поддержки общины лежало твёрдое убеждение, что с «административно-полицейской точки зрения община представляла удобства – легче пасти целое стадо, нежели каждого члена стада в отдельности». ⁸⁰Властям не надо было требовать от каждого крестьянина выполнения тех или иных повинностей, за это полностью отвечала община. Важным было то, что с общины, а не с отдельного двора, взимались выкупные платежи. В общине существовала *круговая порука*: с того, кто не мог заплатить свою долю, она перекладывалась на других крестьян. Круговая порука как одна из фундаментальных основ общины окончательно была упразднена в 1903 г., когда уже 99,6 % общин её не применяли. ⁸¹Чтобы число плательщиков не сокращалось, закон затруднял выход крестьян из общины – для этого нужно было выкупить свой надел. Поэтому в сохранении общины государство в первую очередь преследовало фискальные интересы.

В зависимости от границ и размеров селений общины делились на три группы: простые, или однодеревенские; составные, которые объединяли две или более небольших деревень; раздельные, когда в составе одного большого села имелись две или более общины. В центральных губерниях в основном преобладали простые общины, их доля колебалась от 70 до 94 %, составных – от 2 до 11 % и раздельных – от 4 до 28 %. ⁸²

Община являлась самостоятельной хозяйственно-административной единицей и решала две главные задачи: служила государству и действовала в сословных интересах крестьян. По государственным делам выступало «сельское начальство», а по общественным делам – сельский сход. Все «сельское начальство»: староста, сборщик податей, писарь, сотские и десятские выбирались из «мужиков зажиточных, порядочных и добрых». Три главных управленческих должности в общине получали жалованье за счёт мирских средств, сотские и десятские выполняли возложенные на них мелкие полицейские обязанности чаще всего на общественных началах. Старост выбирали на сельском сходе из наиболее грамотных и авторитетных людей, способных защитить интересы общины и быть ходатаями перед властями.

Большим влиянием в общине пользовались старики – мужчины в возрасте 60 лет и старше, являвшиеся главами хозяйств, так называемые «большаки», или «патриархи». Они обычно объединялись в неформальную организацию – «совет стариков» и влияли на многие внутримирские дела. Авторитет стариков в общине в пореформенной деревне долгие годы был непререкаем и объяснялся тем, что вся жизнь в общине строилась по *устной традиции*, которая передавалась от старшего поколения к младшему. Старики являлись хранителями традиционных устоев общины. Однако к началу XX в. под воздействием модернизационных факторов происходит ломка многих общинных порядков, появляется множество молодых грамотных крестьян-домохозяев и вместе с этим начинает падать авторитет стариков.

В сельском сходе обычно принимали участие сельское начальство и по два представителя от каждых 10 дворов. При решении наиболее важных дел, как, например, передел земли, раскладка налогов и податей, строительство общественных объектов, приглашались все большаки. В общине действовала традиционная демократия, но она существовала не для всех, а только для глав хозяйств. Все остальные члены общины: взрослые мужчины, не являвшиеся домохозяевами, женщины и молодежь – не имели права голоса и подчинялись решениям схода. Приговоры выносились иногда устно, но наиболее важные записывались и скреплялись подписью и печатью старосты.

⁸⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1. М. – Пг., 1923. с. 404.

⁸¹ Симонова М.С. Отмена круговой поруки. // Исторические записки. Т.83. 1969. с. 159–195; Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян в Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. с. 101.

⁸² Щербина Ф.А. Русская земельная община. М., 1880. с. 1–32; Орлов В. Форма крестьянского землепользования в Московской губернии. // Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т.4. Вып.1. М., 1879. с. 250.

Община как крестьянский социум выполняла различные функции и играла важную роль в жизни крестьян. Община сохранилась и после реформы 1860-х гг., так как её устойчивость определялась условиями поземельно-хозяйственных отношений и саморегуляцией деревенского уклада жизни в целях жизнеобеспечения крестьян. Всем миром было легче справиться со стихийными бедствиями, голодом, решать все общественные хозяйственные дела. Одной из главных функций общины была управленческая или регулятивная – это поддержка внутриобщинного порядка, соблюдение крестьянами обычаев и норм жизни и нравственности; контроль за правильностью раздела и наследования движимого и недвижимого имущества; разрешение внутрисемейных конфликтов, разводов и разделов.

Община выступала субъектом землепользования, имела общий лес и луг, общие места для водопоя скота. Именно община, а не отдельный крестьянин и крестьянская семья распоряжалась пашней. Поэтому распределение пахотной земли между хозяйствами и общее пользование другими угодьями было главной функцией общины. Срок очередного передела решался миром на сходе. Пахотные поля, поступавшие в общий передел, мир делил на участки по качеству почвы, расстоянию от усадеб и рельефу местности. Подход в распределении полос исходил из конкретных условий – климата, товарной специализации крестьянских хозяйств, социального состава деревни. По достижении 18 лет каждый мужчина получал во временное пользование свою долю из общинной земли, а после его женитьбы эта доля обычно удваивалась. Стремление к справедливому дележу переросло в *мелочную уравнительность*. К тому же в результате естественного прироста населения и при стабильности земельного фонда коренные и частичные переделы земли приводили к дроблению и измельчению наделов и их чересполосице. Иногда число полосок измерялось десятками, и на них был невозможен общий для всех севооборот. Не было смысла удобрять и обихаживать землю – при переделе она могла достаться другому. Всё это мешало сельскохозяйственному прогрессу и не позволяло развернуться предприимчивым крестьянам.

Данные статистики землевладения свидетельствуют, что в Московской губернии с 1877 по 1905 г. число общин выросло с 5.544 до 5.636, а численность крестьянских дворов увеличилась с 179.068 до 210.570, или почти в 1,2 раза. В то же время фонд наделной земли в общинах вырос незначительно – всего на 28,8 тыс. десятин. Если в 1877 г. на каждый двор приходилось 8,7 десятины, то в 1905 г. уже 7,5 десятины. Причем, бывшие государственные крестьяне были лучше обеспечены землёй: в среднем на их двор приходилось 9,2 десятины, у бывших владельческих крестьян – 6,8 десятины, у бывших удельных – 5,1 десятины.⁸³ Такое же положение с наделной землёй складывалось и во Владимирской губернии. За это же время число общин там увеличилось с 5.303 до 8.426, или в 1,6 раза, а число дворов выросло с 194.565 до 423.011, или более чем в 2,2 раза. Количество наделной земли увеличилось только на 151,6 тыс. десятин, но из-за периодических переделов уменьшились средние наделы земли на двор: в 1897 году – 10,3 десятины, в 1905 г. – 8,9 десятины; бывшие помещичьи крестьяне имели меньше всего земли – в среднем по 7,8 десятины на двор.⁸⁴

Многие сельские общества, особенно в западных губерниях, коренные переделы земли проводили редко. Например, в Тверской губернии не проводили таких переделов со времени наделения землёй крестьян 77,3 % общин. Зато в Московской и Владимирской губерниях преобладала иная тенденция. В Московской губернии к коренным переделам не прибегали 39,5 % общин, во Владимирской губернии – 32,8 %.⁸⁵ В других общинах коренные переделы земли проводились через 15–20 лет.

⁸³ Статистика землевладения. 1905. Вып.1. Московская губерния. СПб., 1906. с. 10–11.

⁸⁴ Статистика землевладения. 1905. Вып.3. Владимирская губерния. СПб., 1906. с. 10–11, 41.

⁸⁵ Россия 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. с. 67.

Частичные переделы общинной земли происходили ежегодно или по мере надобности из-за разделов семей. Многократное число разделов приводило к тому, что молодые крестьяне становились домохозяевами, а это повышало их роль в делах общины.

Современные исследователи отмечают, что в пореформенное время в праве различалось четыре вида крестьянской собственности: общественная (общинная), общая, семейная и личная, которая только и была в полной мере частной собственностью.⁸⁶ В сознании крестьян сформировалось устойчивое представление о *двухуровневом предназначении крестьянской собственности* – семейно-потребительском и тягловом. Связанный длительное время с общиной крестьянин признавал верховенство коллективной собственности над семейно-индивидуальной.

Однако в условиях развития рыночных отношений в России среди крестьян, особенно в конце XIX в., стали проявляться *собственнические устремления*. Некоторые крестьяне становились торговцами, владельцами тракторов и чайных. Разбогатевшие крестьяне проявляли интерес к приобретению земли в собственность. В 1882 г. был создан казённый Крестьянский банк, который выдавал крестьянам кредиты на 37 лет и 7 месяцев на покупку земли. В 1893 г. правительство разрешило банку выдавать кредиты на покупку земли только общинам, пускавшим её в свой передел. С 1895 года банк уже сам стал покупать помещичьи владения и перепродавать крестьянам. Всего в губерниях Европейской России до 1905 г. с помощью банка крестьяне купили 7,8 млн. десятин, из них только 117 тыс. десятин в личную собственность. В Московской губернии в 1877 г. насчитывалось 3.577 частных крестьянских владений, а к 1905 г. имелось уже 5.595 владений. Средний размер частного владения составлял соответственно 30,3 и 15,1 десятины. Во Владимирской губернии за это же время число таких владений выросло с 5.927 до 5.943, а их средний размер также уменьшился с 52,5 до 36,7 десятин. Некоторые крестьяне имели крупные земельные владения – от 50 до 150 десятин.⁸⁷

⁸⁶ См.: Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. с. 29.

⁸⁷ Статистика землевладения. 1905. Вып.1. Московская губерния. с. 10–13; Там же. Вып.3. Владимирская губерния. с. 50–51.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.